

ACADÉMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES

IRAN

III

PUBLIÉ PAR
L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
LÉNINGRAD 1929

DK
335
И77

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

008 (55)

132

ИРАН

III

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1929

произносятся хорошие слова так, что из этого получается польза для веры и мира. Вторая: непристой и непохвальной бывает такая *ма'рикэ*, которая состоит из слов незаконных и действий недостойных».

Хосейн Ва'эз подразделяет лиц собирающих *ма'рикэ* на три категории: людей слова, людей силы и людей игры (اهل بازی سخن، اهل زور، اهل بازی). Правила для собирания *ма'рикэ*, приведенные Хосейн Ва'эз'ом, теперь не соблюдаются. На смену им появились другие правила, вызываемые, часто, условиями современной городской жизни Персии, когда собирание *ма'рикэ* в центре города преследуется полицией и они вынуждены устраивать представления или на окраинах или за городом, в местах свалок отбросов и мусора, когда не приходится уже думать о том, насколько подходящим является место, или заботиться о ритуальной чистоте.

Эти правила, появившиеся, главным образом, ввиду ограниченности мест, где разрешается еще собирать *ма'рикэ*, направлены почти исключительно к тому, чтобы не срывать сборищ и не отнимать друг у друга куска хлеба.

Тегеран, апрель 1928 г.

Мать и ребенок у таджиков.

(Обряды и представления, связанные с материнством и младенчеством у таджиков г. Самарканда и кишлаков Кусохо, Канибадама и Шахристана).

О. А. Сухаревой.

Материалы к работе, предлагаемой вниманию читателей, собраны мной в различных кварталах (*гузарах*) г. Самарканда (1927—28 г.), в кишлаке Кусохо, расположенном в пяти верстах от г. Самарканда и входящем в Ходжи-Ахрарскую волость (1923—28 г.), в кишлаке Шахристане, входящем в Ура-тюбинский вилайет Таджикской ССР (1926 г.), и в кишлаке Канибадаме (1924 г.). Незадолго до моей работы в печати появились на подобную же тему: И. И. Зарубина «Рождение пугнанского ребенка и его первые шаги» и А. Л. Троицкой «Первые сорок дней ребенка (чилля) среди оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда».¹

Эти статьи, да немного напечатанное раньше² исчерпывают все, имеющееся в литературе о Средней Азии по этому вопросу.

Нет надобности говорить подробно об интересе, который представляют для этнографии обряды и представления, связанные с родами, роженицей и ребенком. Можно лишь заметить, что эти события домашней жизни являются важнейшими фактами в жизни женщины; поэтому вокруг них обычно концентри-

¹ Обе статьи помещены в сборнике عقد الجماع، посвященном акад. В. В. Бартольд, изд. 1927 г.

² Библиография приведена в упомянутой статье А. Л. Троицкой.

руются представления, составляющие сущность мировоззрения данного народа, — и, в особенности, мировоззрения женской его части. Женщины же, как известно, являясь элементом наиболее консервативным, зачастую хранят представления чрезвычайно первобытные, свойственные каждому малокультурному народу.

Таджики описываемых мной районов, пройдя длинный путь культурного развития, в течение многих веков исповедуя одну из высших религий — мусульманство, все же не потеряли эти древнейшие, первобытнейшие представления, все же сохранили в неприкосновенности обряды, основанные на этих представлениях, отдельные элементы которых можно проследить в мировоззрении народов, стоящих на самой низкой ступени культуры.

I.

При той общеизвестной любви к детям, которой отличаются таджики, и которая отмечена в литературе,¹ бездетность является большим горем для всей семьи и, тем более, для женщины. Это ведет к значительному количеству различных методов лечения бесплодия и к большой их популярности. Бесплодие рассматривается двояко: или как болезнь физиологического порядка, или — как результат влияния тех или иных темных сил, будь то происки различных враждебных человеку духов, или колдовские действия злых людей.

Сообразно с этим и все способы лечения можно разделить на две основные группы, в зависимости от того, в чем усмотрена причина болезни.

Несомненно, однако, что оба взгляда на болезнь имеют отдельное, разновременное происхождение; и более древним из них является взгляд на болезнь, как на явление сверхъестественное.

¹ А. А. Семенов, Этнографические очерки Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 82.

Подобный подход к болезни очень обычен для всех малокультурных народов, которые всегда приписывают как болезнь, так и смерть проискам темных сил или злых людей. У таджиков упомянутых районов оба эти взгляда на болезнь зачастую тесно переплетаются, наслаиваются друг на друга, давая столь же смешанные методы лечения.

По представлению таджиков Самарканда и Шахристана, имеются две физиологические причины болезни: застуда и «прилипание» плода к утробе матери.

1. *Gazák* — застуда.

Под словом *gazák* таджики описываемых мной местностей понимают всякую «застуду», болезнь, происшедшую от влияния на организм человека чего-нибудь «холодного». При этом, под «холодным» — *xunúk* понимается как холодная температура, так и холодная пища.¹ Симптомами «застуды» считают с одной стороны — ненаступление беременности, с другой — болезненное состояние при менструациях. Лечение застуды построено на противопоставлении тому «холодному», что оказало на организм вредное влияние, всякого рода «горячительных» средств, и состоит, главным образом, из всякого рода разогреваний больной, вызывании у нее испарины. При этом и пищу ей дают горячительную, чаще всего — так называемый *qand-čoy*, — кипяток с разведенным в нем леденцом местного приготовления — *navót*. В Шахристане, при этом, леденец выбирается желтого цвета, а не белого, так как желтый считается более «горячим». В Самарканде же такого различия не делают, и заменяют часто леденец обыкновенным сахаром.

¹ Понятие о «холодной» и «горячей» пище основано на учении о температурах, стихиях *mizoj* مزاج, — делящих всю вселенную на два температура: «холодный» и «горячий» — *garm-i-xunúk*. Это учение распространено в Средней Азии очень широко. Трудно сказать, по какому принципу делятся предметы на «горячие» и «холодные». Обычно, представление об этом передается по традиции; отнесение того или иного предмета к одному из них зачастую различно в разных местностях.

В Шахристане больную кормят иногда особым кушаньем *atalá*, представляющим собой род мучного киселя и считающимся в обеих местностях пищей горячительной. Как известно, лечение простуды вызыванием испарины принято и в научной медицине. И применение этих методов лечения таджиками часто совершенно лишено какого-нибудь колдовского, магического элемента. Так, в Самарканде женщины принимают летом горячие песочные ванны. Специально для этого они ходят в кишлак Кусохо, где протекает большой арык, берега которого покрыты чистым сухим песком. Раздевшись, они зарываются в сильно нагретый песок и стараются вылежать так возможно дольше.

В Самарканде же женщины распаривают в тануре¹ стебли *gúli miǵarnak*,² положив их в старую тюбетейку, и затем садятся на эту своеобразную припарку, сняв шаровары. Как мне говорили, это растение берется лишь из-за его мясистых, хорошо распаривающихся стеблей.

В Шахристане роют в земле небольшое углубление, кладут туда раскаленный камень, садятся над ним, прикрывшись халатом, и время от времени поддают пар, брызгая на камень водой. При этом, обычно, в воде растворяют некоторое количество соли.

В Канибадаме прогревают в горячей воде или в золе куриное яйцо, выливают его содержимое на ватку и садятся на эту ватку. Как мне сообщали, яйцо должно втянуться внутрь, причем более удачным считается, если внутрь попадет желток, а не белок.³ Как этот способ, так и сообщенные выше считаются также средствами против болей при менструациях.

¹ Туземная печь для выпечки лепешек.

² Европейское название его мне не известно.

³ Очевидно, причина этого кроется в том, что желток считается «горячим», а белок «холодным». С таким представлением мне приходилось сталкиваться в кишлаке Бричмулле и в г. Ура-тюбе.

Таким образом, *gazák* считается обычно происшедшим от простуды, от «холодного». При расспросах именно это упоминается в качестве причины болезни.

Однако, можно думать, что такое представление о *gazák*'е является более поздним. Некоторые из способов лечения этой болезни, заключающиеся в том же вызывании испарины, носят на себе следы каких-то магических колдовских действий и заставляют предполагать, что и при застудах дело не обходится без сверхъестественных причин, без колдовства и магии. Такой характер имеет способ лечения *gazák*'а, сообщенный мне таджичками кишлака Шахристана. Он состоит в следующем. В воду бросают семь палочек от семи пород деревьев и кипятят ее на хворосте, состоящем так же из семи пород. Затем котел с кипятком ставят на землю, на него накладывают хворост и мяту, которые сверху покрываются одеялом, поддерживаемым четырьмя вбитыми в землю кольями. Больная, раздевшись до-нага, садится на получившийся таким образом помост, завертывается тщательно в одеяла и старается вызвать как можно более сильную испарину. Какое значение имеют при этом семь сортов (*haf rang*) деревьев и мята, осведомительницы объяснить не могли. На мой вопрос, не употребляется ли для этого семь сортов плодовых деревьев, я получила ответ отрицательный. Как известно, ветка плодового дерева в обрядности таджиков обычно является символом плодовитости, или, вернее, средством вызвать плодовитость. Возможно, что таково было первоначальное значение вышеописанного способа лечения бесплодия, потом забытое. Причиной утери его могло быть возникшее позднее обыкновение употреблять этот способ лечения при всяких застудах, а не только при бесплодии. По сообщению тех же осведомительниц, этот способ в настоящее время употребляется так же и для лечения мужчин от боли в пояснице, тоже объясняемой застудой.

Другой способ лечения бесплодия, происшедшего от *gazák*'а, употребляемый в Шахристане же, точно так же носит

некоторые следы магического воздействия на болезнь: в очаг накладывают сухого конского навоза, зажигают его, и, когда он весь обуглится, больная садится над очагом, закутывается в одеяло и время от времени брызгает на навоз воду, стараясь пропотеть. При этом интересно отметить, что употребляется навоз непременно от жеребца и ни в коем случае не от кобылы.

В связи с этим способом лечения можно поставить другой, сообщенный мне в кишлаке Кусохо и известный там под названием *kišan-buy* «пар от лошадиных пут». Роется небольшое углубление в земле, на дно его кладутся лошадиные путы, а сверху разводится огонь. Когда хворост прогорел и образовались угли, женщина садится над углями на корточки, завернувшись в одеяло и стараясь вызвать испарину. Очень часто всей этой процедурой руководит бабка. К сожалению, мной не выяснено, какого пола должна быть лошадь, путы которой употребляются при лечении *kišan-buy*.

Может быть, здесь уместно будет припомнить вывешивание уздечки от жеребца при входе в дом, где есть родильница, наблюденное И. И. Зарубиным в Шугане и сообщенное им в статье «Рождение шуганского ребенка и его первые шаги».¹ Автор объясняет этот обычай, как меру охраны родильницы от «альмасте». Не беря на себя какое-нибудь толкование сообщенных мной фактов, так как материала для этого слишком недостаточно, я хотела бы отметить, что, повидимому, лошадь (очевидно, жеребец) играет какую-то магическую роль в охране женщины от злых влияний и болезни.

2. «Прилипание» плода.

Представление о «прилипании» плода к утробе матери распространено среди таджиков Средней Азии достаточно широко; мне приходилось неоднократно слышать об этом от таджичек Самарканда, Шахристана и Ура-тубе; И. И. Зарубин отмечает его у шуганцев. По всей вероятности,

¹ См. сборник عقدة الجمان, посвященный акад. В. В. Бартольд, стр. 363.

представление о «прилипании» плода основано на неправильном определении начала беременности. При отсутствии гинекологического осмотра, беременность определяется, главным образом, по прекращению месячных очищений. Случайная задержка последних принимается за начало беременности. Возобновление же их приписывают тому, что ребенок «прилип» — *časpid* к стенкам матки (*bačadón*), как бы заснул там (*xó raft*). Под влиянием подходящих методов лечения ребенок «просыпается» (*mexezat*); тогда беременность продолжается, и ребенок может быть благополучно произведен на свет; причем, после своего «пробуждения», он должен оставаться в утробе матери еще полных девять месяцев; несмотря на это, зачатие его относится к тому времени, когда у женщины была в первый раз задержка менструаций. Нередко можно услышать, что какая-нибудь женщина носила ребенка в течение нескольких лет, прежде чем он родился. Так, таджичка кишлака Шахристана, Койсун Нурматова, считала, что ее пятилетнему сыну уже восемь лет, так как он два года «спал», прилипнув к ее внутренностям, затем «проснулся»; она выносила его в течение полуженных девяти месяцев, и пять лет прошло с тех пор, как он родился. На основании того же неправильного определения начала беременности нередко женщины считают, что их беременность длится ненормально долго: десять, одиннадцать и даже двенадцать месяцев.

Мне не удалось выяснить в Шахристане, что, по мнению населения, является причиной прилипания плода. В Самарканде же считают, что это может быть результатом происков враждебных духов. Для поднимания прилипшего плода в Шахристане, обычно, употребляется тот же способ лечения, который описан И. И. Зарубиным¹ и который состоит в том, что на живот больной ставится своеобразная банка из глиняного кувшина или тыквенного сосуда. После сжиганья в сосуде ваты, живот

¹ Op. cit.

Иран, т. III.

пациентки втягивается в образовавшуюся таким образом банку, — и в результате ребенок «просыпается». Несмотря на то, что операция эта очень болезненна, к ней прибегают часто, и мне приходилось видеть женщин, которые подвергались ей до тридцати раз. В Самарканде, в качестве средства для «поднятия» «прилипшего» плода, употребляют, так же как при застуде, лечение *kišan-buy*.

Иные методы лечения бесплодия применяются тогда, когда предполагают сверхъестественное происхождение болезни, когда думают, что виновниками ее являются те или иные враждебные человеку или рассерженные им духи, — и когда отсутствует представление о каком-нибудь органическом заболевании. В Шахристане такую больную называют *bor-dor* «имеющая ношу, тяжесть». Представление о тяжести известно и в Самарканде.

Вопрос о «тяжести» *bor* является вопросом чрезвычайно интересным, но в литературе о Средней Азии, насколько мне известно, не затронутым. Не беря на себя задачи окончательно выяснить природу этого представления, я должна сделать несколько разъяснительных замечаний, без которых будут непонятны многие методы лечения бесплодия и других болезней. Под словом *bor* понимается всякое несчастье: болезнь, бездетность, невыживание детей и т. п. Если кто-нибудь опасно болен, говорят: *falončiya bor zer kadas* — «такого-то придавила тяжесть». Если больной вскакивает по ночам и бредит, думают, что ему не дает покоя тяжесть: *falončiya bóraš vazbín, šáb ba-yam gab mezanát* — «тяжесть такого-то тяжела, он и по ночам разговаривает».

Также, если человек пугается со сна, считают, что у него есть «тяжесть» *bóraš hast*. Признаком того, что женщина «имеет тяжесть», является или ее бездетность, или то, что ее дети не выживают. В Самарканде таким признаком считают смерть детей в период *čilla* — сорокадневия после родов — и, особенно, в первую неделю его. *Bor* может перейти с чело-

века, пораженного им, на здорового. По представлению самаркандских таджиков (гузар Хаузи-бульбуляк), *bor* передается через еду, через одевание платья человека, «имеющего тяжесть», через сиденье на том месте, где сидел он. Повсеместно распространено представление, что *bor* может передаваться через прикосновение, через пребывание в одной комнате и, особенно, через «перешагивание». Лица, имеющие «тяжесть» и стремящиеся от нее избавиться, стараются перешагнуть через здорового человека и таким образом передать свою тяжесть ему. Эта восприимчивость к магической заразе повышается в известные периоды. Особенно подвержены ей роженица и ее ребенок до истечения сорокадневия *čilla*. В Самарканде (гузары Хаузи-бульбуляк и Юсуфбай) считают также, что удобным моментом для перехода «тяжести» с одного человека на другого является тот момент, когда человек пугается возможности магической заразы — *hazár mekunát, mekevát, mehurkat*.¹ В гузаре же Гур-Эмир считается, что *bor* может перейти только на человека, находящегося в периоде *čilla*. Таким образом, понятие *bor* ближе всего может быть определено, как понятие магической заразы, безличного миазма, безличной «ноши», «тяжести», которая, раз придавив собою человека, наполняет несчастьями его жизнь. Однако, являясь безличным миазмом, *bor* все же есть лишь результат влияния различных духов, которые, уличив удобный момент, «ударяют» *mezanán* человека и приобретают над ним власть. В Самарканде мне прямо говорили, что человек получает «тяжесть» в тот момент, когда он встречается с духами: *dilaš haraz kašat, ašiná-yu albastí vó xurad* — *bornok mešut* — «когда пугается, встречается с духами, — делается носящим тяжесть». Духи «бросают свою тяжесть» на человека, становятся его постоянным спутником, и в результате человека начинают преследовать несчастья, он заболевает; если это

¹ По всей вероятности, именно поэтому так многочисленны обряды, цель которых — предохранить ребенка от испуга (об этих обрядах речь будет в дальнейшем).

женщина, у нее дети или не родятся, или умирают вскоре после рождения: *albasti-yi ajina hamroh mešudás; bórašona mepartot — bačeš memurát*. Когда женщина носит «тяжесть», она после родов иногда видит во сне, что приходит что-то черное и уносит ее ребенка. На следующий день ребенок умирает, и говорят, что его убил дух, получивший власть над его матерью: *očeša bóraš žur budás, očeša tomošoyaš bačaya kuštás* «у матери сильная тяжесть, дух „момо“ матери убил ребенка».

В Шахристане, как мне приходилось наблюдать, очень часто бесплодие приписывают духам очага *ut-učaqo*. Если женщина по неосторожности перешагнет через кучку золы, на которой сидят *ut-učaqo*, они сердятся и делают ее бесплодной, «носящей тяжесть» *bor-dor*. В другом случае, там же, мне говорили, что причиной бесплодия явился дух, сидевший на могиле в образе легкого пара. Когда женщина проходила мимо, на нее подул ветром с этой могилы, в результате чего она стала бесплодной. Об анимистическом происхождении «тяжести» говорят нам и способы лечения бесплодия, которые применяются в тех случаях, когда полагают, что причиной бесплодия является магическая зараза, «тяжесть», когда думают, что болезнь имеет сверхъестественную причину. В подобном случае, для точного выяснения источника болезни, обращаются к гадалке, которая, определив причину болезни, назначает лечение.

Самым излюбленным и, как говорят, наиболее действительным средством является обряд, распространенный широко и известный под названиями *kič-kič* (кишлак Шахристан и г. Ура-тубе), *kičurta* (Самарканд), *kičuruk* (Ташкент), что в переводе значит «изгнание, переселение».¹

Мне не приходилось наблюдать обряд лично. Приводимые сведения записаны мной лишь со слов жителей означенных местностей, что ведет к неполноте описания, к его схема-

тичности, позволяющей установить лишь общую картину обряда и сравнить его с обрядами ташкентским и ургутским, описанными А. Л. Троицкой в цитированной статье.

В Шахристане *kič-kič* устраивается обычно ночью.

По рассказам шахристанских таджичек, он состоит в следующем. Больная сидит посреди комнаты с завязанными глазами, держа в руках зажженные светильники, *nikša*.¹ Кроме того, сорок *nikša* втыкаются в муку, насыпанную на блюдо или на платок. Гадалка *bačši* долго поет под аккомпанемент бубна всевозможные заклинания, долженствующие изгнать из больной духов, причинивших болезнь. После этого устраивается *žahr* (религиозное радение, которое часто входит в различные обряды: похороны, *óši bibi-se-šambi* и т. д.). При *kič-kič*'е обычно режут козла, и вся церемония заканчивается угощением. В результате болезнь выходит из больной, и она выздоравливает. При *kič-kič*'е нельзя присутствовать женщине, у которой не кончилась еще ее *čilla* — сорокадневка после родов, так как, по поверию, болезнь, «тяжесть» легко может перейти на нее. Более того, мне приходилось слышать, что женщина перестала рожать после того, как одна из ее родственниц, над которой был совершен *kič-kič*, навестила ее, еще не оправившуюся после родов, на другой день после *kič-kič*'а. Очевидно, по представлению населения, болезнь, «тяжесть» или причинивший ее дух (?), — если и не выйдет окончательно после *kič-kič*'а, то после него, при благоприятных обстоятельствах, сам стремится покинуть свою прежнюю жертву и перейти на новую.

В Канибадаме, как мне сообщали таджички во время моего пребывания там, при *kič-kič*'е больную раздевают до-нага, вымазывают с ног до головы кровью козла, зарезанного по этому случаю, набрасывают его шкуру ей на плечи, и завязывают глаза. Она садится на землю, между ее ног ставится зажженная *nikša*.

¹ См. статью А. Л. Троицкой «Лечение больных изгнанием злых духов (кучурук) среди оседлого населения Ташкентского уезда». Там же и библиография по вопросу о кучурук'е (Бюллетень САГУ, вып. 10, Ташкент, 1925 г.).

¹ *Nikša* — особые светильники, состоящие из камышинки с намотанной на нее и смоченной в масле ватой. Употребляются исключительно при обрядах.

После пенья заклинаний, знахарка спрашивает больную, что она видит. Обычно отвечают, что видят собаку, человека или еще что-нибудь в этом роде. Очевидно, предполагается, что названное существо и есть причина болезни. — Услышав ответ больной, знахарка берет шнурок и завязывает на нем узлы, связывая таким образом духов, причинивших болезнь; когда весь шнурок окажется связанным в один комок, она вешает эту связку на шею больной, развязывает ей глаза и снимает с нее шкуру козла при звуках бубна и пенья присутствующих. После этого пациентка моется и одевается во всё чистое.

В Самарканде порядок совершения *kīṣurma*, примерно, тот же.¹ Больная сидит посреди комнаты, гадалка занимает место с нею рядом. На голову больной набрасывают белую материю, перед ней зажигают *нукчи*. В кишлаке Кусохо их втыкают в золу, в Самарканде, в гузаре Юсуфбай — в муку, которую после совершения обряда берет себе гадалка. В гузаре Юсуфбай *нукчи* втыкаются также и в различных местах дома: в углах комнат, на очаге и т. д. Тело больной мажут кровью зарезанного при этом барана или козла. Если же устраивают *kīṣurma* люди небогатые, которые не в состоянии купить барана или козла, они ограничиваются только бараньей головой, из которой варится суп. В таком случае кровь, которой должно быть вымазано тело больной, берут у мясника. Гадалка обращается громогласно, под аккомпанемент бубна, к покровительствующим ей духам, призывая их и прося помочь больной. В кишлаке Кусохо она берет кусок проволоки и шелковые нитки семи цветов, связывает их в узлы, дуя на каждый, и затем вешает связанные в клубок нитки и проволоку на шею больной. Последняя носит эту связку очень долго, а когда она слишком загрязнится и изотрется, бросает ее в текущую

¹ Он несколько отличается от описанного А. Л. Троицкой в цитированной статье. Объясняется это, по всей вероятности, тем, что вышеназванный автор собирал сведения в иных, чем я, районах города, к сожалению, точно им не обозначенных.

воду, избавляясь таким образом от магической заразы, — прием, употребляемый в магии всех народов достаточно часто. В заключение устраивается *ḡahr*, и все заканчивается угощением, более или менее богатым, смотря по состоятельности хозяев. Традиционными блюдами при этом являются суп из жертвенного козла или из бараньей головы и тонкие сухие лепешки, так называемые *tunuk*, которые являются кушанием чисто обрядовым.

Чрезвычайно отчетливое понимание значения и смысла этого обряда обнаружили таджички г. Самарканда, гузара Гур-Эмир. По их словам, угощение, устраиваемое во время *kīṣurma*, является жертвенным; им хотят откупиться от духов, причинивших болезнь. Той же цели служат и зажигаемые во время обряда *нукчи*, а также кровь, которой обмазывают тело больной. Кровь эта фактически является пищей для духов: мои осведомительницы уверяли меня, что после совершения обряда кровь исчезает — ее слизывают духи: *tomohó omadá yemíšaša tele-sán* — «приходят духи *tomohó* и слизывают (приготовленную для них) пищу». Удовлетворенные угощением и почетом, оказанным им, духи оставляют свою жертву, и она выздоравливает. Наряду с *kīṣurma* в Самарканде также широко распространен обряд *qaytarma*, что в переводе означает «отведение, отвращение».¹ Этот обряд состоит в следующем: больная идет к гадалке или к *duoxon*'у (отчитывателю) и несет с собою кувшин с водой, кусок мыла и несколько иголок — от одной до семи. Гадалка или *duoxon* читает над мылом и водой заклинания, обычно шепотом, время от времени прокалывая мыло иголками и дуя на стоящие перед ним предметы.

При совершении *qaytarma* никто в комнату не входит, так как болезнь (*bor*) легко может передаться здоровому. По окончании отчитывания больная ломает ногой иголки, а кувшин с водой и мыло несет домой. Там она отпивает из кувшина несколько глотков, остальной же водой моется, намыливаясь наговоренным

¹ От узбекского قاتنارماق.

мылом. Совершая омовение, она старается, чтобы вся вода стекла в глиняный таз (*tağora*), и выливает ее куда-нибудь в чистое место, так чтобы она не могла оказаться под ногами проходящих. После этого она сидит, запершись в своей комнате, не позволяя никому входить к ней, так как считают, что пока ее волосы мокры от наговоренной воды, болезнь легко может передаваться каждому, оказавшемуся в одной комнате с больной.

О подобном же обычае сообщали мне, хотя и очень неполно, в Шахристане. По словам моих осведомительниц, отчитывающий, при совершении обряда, дует то на больную, то на воду, как бы перегоняя туда болезнь, и втыкает в мыло иголки, число которых должно равняться семи. По окончании отчитывания вода выливается куда-нибудь в чистое место, а мыло с воткнутыми в него иголками берет себе отчитывающий. К сожалению, проверить и дополнить сообщения мне не удалось.¹ К подобным же способам лечения бесплодия следует причислить и сообщенный А. Л. Троицкой в докладе, прочитанном ею в студенческом научном кружке при Востфаке САГУ (тогда Восточном Институте). Бабка знахарка режет петуха и снимает с него шкурку. Пациентка садится на эту шкурку, сняв шаровары. Знахарка мажет лицо и тело больной кровью петуха и обводит вокруг нее зажженные светильники, которые она затем втыкает в землю. После этого она бьет больную веточкой тала, как бы изгоняя из нее болезнь. Этот способ лечения бесплодия наблюден А. Л. Троицкой в Самарканде. Мне тоже сообщали там о нем, причем, по словам моих осведомительниц, обряд носит название *тигу қоллаһ қардан* (гузар Гур-Эмир).

Еще об одном способе лечения бесплодия, тоже магического характера, мне сообщили в кишлаке Кусохо: бездетные женщины берут чужого ребенка и спят с ним до тех пор, пока у них

¹ А. Л. Троицкая в цитированной статье сообщает об обряде *кучурука* (наблюденном ею в Ургуте), который является как бы комбинированным из двух обрядов, в Самарканде и Шахристане различаемых совершенно определенно, — *kičurma* и *qaytarma*.

не будет своего собственного. Это средство основано, по всей вероятности, на следующих соображениях: бесплодность причинена духами. Они бросили на женщину свою «ношу» и всё время стоят на страже, не выпуская жертву из под своего влияния и не давая ей забеременеть. Увидев же у нее ребенка и думая, что она уже не бесплодна, вредящие ей духи отступятся от нее, что даст ей возможность забеременеть. Примеры такого стремления обмануть, провести духов далеко не редки и мы еще встретимся с подобными фактами в дальнейшем изложении.

II. Беременность и роды.

Известие о беременности принимается в семье очень радостно. Однако, за беременной никакого специального ухода не ведется; не освобождается она и от своих обычных работ. Единственным знаком внимания к ней является удовлетворение, по мере возможности, ее капризов в отношении пищи, которые обычно появляются в первый период беременности. Период этот носит название *sar-toriki* «затемнение головы», причем считают, что затемнение это происходит в отношении той пищи, к которой появляется склонность: *man gūšt-biryóm-ba sar torik šududám* — «у меня происходило затемнение головы на жареном мясе».

Понятие «беременная» обозначается следующими терминами: *buqiz*, *bačador*, *homilanok* (последнее, очевидно, литературное; употребляется, главным образом, интеллигенцией).

«Забеременела» — *buqiz* (*bačador*, *homilanok*) *šud*, *qadāš ba šud* («появилось в ее теле»), *iškamaš ba bačeš šud* («у нее в животе появился ребенок»).

Относительно последнего месяца беременности обычно говорится: *māhaš* — *nam* «ее месяц — этот (новый, теперешний)», *māhaš omad* «ее месяц пришел». Нередко перед родами беременная женщина запирает на ключ замок и несет его в мечеть к пятничной молитве. По окончании последней, когда молящиеся направляются к выходу, она дает одному из них замок с ключом.

Тот отпирает замок, и женщина вешает его открытым в своей комнате. Он остается в таком положении и во время родов, и способствует их легкости. Магическое значение отпираания замка общеизвестно, и описанный мною прием имеет аналогии у многих народов.

Прежде, чем приступить к описанию родов, необходимо сказать несколько слов об особых мифических существах, так называемых *мотохо*, связанных с родами, роженицами и бабками.

Мотохо играют такую большую роль в обрядах, сопровождающих роды, что предпослать изложению общий взгляд на представления, связываемые с *мотохо*, является совершенно необходимым для ясного понимания этих обрядов.

Под названием *мотохо* (ед. число — *мото*) таджики описываемых районов подразумевают особые мифические существа женского пола. *Мотохо* делятся на несколько разновидностей, каждая из которых носит особое имя. Некоторые из них вредят людям, насылают на них болезни. Это — *šalpar-moto* и *šaloyim-moto*. Они часто играют около водосточных труб. Если пройти мимо такого места в вечернюю пору, *мотохо* пугают человека, «бросают на него свою ношу», и он заболевает. Другие *мотохо* являются покровительницами рожениц и новорожденных и патронессами бабок-повитух, которые, по всей вероятности, в связи с этим, носят название *мото́-доу́а* или просто *мото* (Самарканд). Каждая бабка должна иметь свою *мото*.¹ Без этого она не может практиковать. Нельзя стать бабкой по своему желанию: *мотохо* сами выбирают ту или иную женщину; они насылают на нее болезнь и тем самым дают знать о своем избрании. Это избрание далеко не всегда встречается с радостью. Часто избранница долго противится воле *мотохо*, не желая

¹ Очевидно, судя по сообщениям, одна и та же *мото* может быть патронессой нескольких бабок. Мне рассказывали, что после смерти одной бабки ее *мотохо* перешли сразу к двум ее родственницам, после чего обе они, в свою очередь, стали бабками.

становиться бабкой, но болезнь не оставляет ее до тех пор, пока она не подчинится. Только когда она устроит угощение и примет посвящение (молитву, *fotiha*) от другой бабки, она выздоравливает.

Мотохо передаются также и по наследству; в таком случае они носят название «наследственных» — *motohóyi miroší*. *Мотохо* не видимы простым смертным: их видят только их «хозяйки» *sohibas mebinát*. В таком случае *мотохо* показываются в виде голубя с висящими встрепанными перьями. *Мотохо* можно увидеть во сне; их видят так иногда женщины бесплодные или те, у которых дети не живут. При этом, если *мото* показывается веселой, смеющейся, можно надеяться, что все кончится хорошо, больная (бесплодная) выздоровеет, ее дети останутся живы.

При родах присутствие *мото* совершенно необходимо. Если *мото* не придет, роженица не сможет родить. Как мне говорили в г. Самарканде (гузар Гур-Эмир) — *agar moto na byot, bača rúyi qadám ba ná mešút*.

Поэтому необходимо присутствие бабки, которая вызвала бы их. Бабка зажигает *нукчи*, и *мотохо* являются. От них зависит исход родов. Если роды затянулись, стараются умиловить *мотохо*, откладывая в их пользу (*ba háqi motohó*) монету, или даже обещая целого барана (Самарканд, гузар Гур-Эмир).

Однако, нехорошо, если *мотохо* остаются слишком долго. Поэтому, когда роды окончились, и роль их сыграна, их просят «с весельем и смехом придя, с весельем и смехом уйти» (Шахристан).

Обстановка, в которой происходят роды, обряды, сопровождающие их, и употребляемые при этом приемы довольно сильно разнятся, в зависимости от той или другой местности. Мне пришлось самой присутствовать при родах в кишлаке Шахристане. Надо сказать, что такая удача выпадает на долю наблюдателя очень и очень не часто. Как правило, посторонняя публика присутствовать при родах не должна. Лучше, если

о родах будет знать как можно меньше народа, — тогда они пройдут и быстрее и безболезненнее. Мне приходилось слышать, как женщина жаловалась, что старшая жена ее мужа «удлинила ее боль» *dárdama tanúk kat*, тем, что сообщила о начале родов мужу. Обычно, с родильницей остается лишь бабка, да еще какая-нибудь пожилая, опытная родственница, которая могла бы оказать помощь своими услугами. Лишь при очень тяжелых родах приглашаются 5-6 старух-бабок, к родильнице приходит муж и другие члены семьи. Обычно же дети и мужчины на время родов решительно изгоняются из дома. Роды, на которых мне удалось присутствовать, происходили в том доме, где я жила; дело было летом, когда население переезжает в сады, никого из близких родственников не оказалось под рукой, и хозяевам волей-неволей пришлось воспользоваться моей помощью.

Рожала младшая жена моего хозяина. Старшая, поручив мне приборку комнаты, побежала за бабкой. Та явилась тотчас же; быстрым шагом войдя в ворота, она почти бегом устремилась в комнату, где находилась роженица. Схватив брошенную кем-то у дверей калошу, она подбежала к роженице, сидевшей на корточках в одном из углов комнаты, ближе к двери, и несколько раз хлопнула ее подошвой калоши по спине, приговаривая: *yel' qičti* — *yow keldi* «ветер ушел, враг пришел».¹ После чего калоша была выброшена за дверь. Затем бабка приготовила два светильника *nikša* и зажгла их, воткнув в землю у одной из стен комнаты, около выходной двери. Как мне пояснили, это место посвящено духам *томохо*; для них же зажигаются светильники.

Роженица ходила по комнате широкими кругами. По поверью, это способствует скорейшему ее разрешению.

В одном из углов комнаты, ближе к дверям, был поставлен сундук; сверху его покрыли сложенным одеялом. Во время потуг

роженица присаживалась около сундука на корточки и опиралась на него; бабка же, плотно подсев к ней сзади, придерживая ее за ягодицы, слегка сдавливая их обеими руками. Так как роды затянулись, было решено прибегнуть к *kūrpá yelonák* — перекачиванию на одеяле. На ковер, расстеленный на полу, бабка бросила сложенное втрое одеяло, и роженица легла на него так, что оно пришлось как раз посредине ее тела. Две женщины, взявшись за оба конца его, поочередно поднимали их, и роженица тяжело перекачивалась по нему с боку на бок. Повторив это несколько раз, бабка взяла роженицу за ноги, подняла их, прижала к своей груди и с силой тряхнула, произнося обычную мусульманскую формулу: *bismillóhi rahmóni rahím* «во имя господа, милостивого и милосердного».

Как она мне объяснила, в результате перекачивания роженицы и встряхивания ее, ребенок сжимается, и роды проходят легче. Затем бабка велела раскрыть *surfa* — специально выделанную кожу, на которой месят тесто и разделявают лепешки — чтобы *томохо* увидели белое — *tomoho safedi binan*. Как известно, белый цвет в обрядности таджиков Средней Азии считается цветом благоприятным, приносящим счастье. Во время особенно жестоких потуг бабка взяла косы роженицы, свернула их жгутом и засунула на минуту ей в рот. — Этот прием употребляется также и в Самарканде при выходе последа. Там мне пояснили, что это делается с целью вызвать у роженицы тошноту, что, по словам моих осведомительниц, ускоряет выход последа. По всей вероятности, и в Шахристане преследуется аналогичная же цель.

Старшая жена в комнату не заходила; она сидела у порога, пила чай и во время потуг кричала: *omad, omad* «пришло, пришло!», что, по ее словам, тоже должно способствовать успешности родов.

Наконец, ребенок выпал. Он родился в обморочном состоянии; испуганная бабка принялась массажировать пуповину в сторону ребенка, пока он не закричал. Как говорят, другим средством

¹ Значение этих слов для меня осталось неясно.

вывести ребенка из обморочного состояния является стучание палкой по котлу, стоящему на очаге. Принесли серп, и мать сама, с помощью бабки, перерезала им пуповину, так что у ребенка остался конец, примерно, в четверть аршина. Мне объяснили, что если оставить короткую пуповину, ребенок будет часто мочиться. Пуповина была перевязана белой ниткой, цвету которой придавалось то же суеверное значение. Точно так же был завязан конец, оставшийся у матери; его прикрепили к ее ноге, из опасения, что он может уйти обратно. Вслед за тем ребенка завернули в грязные тряпки. Я заметила, что это была грязная, предназначенная для стирки, рубашка сына старшей жены. Как мне пояснили, он отличался в детстве спокойным характером и послушанием; его одежда должна передать новорожденному его хорошие качества.

Переждали некоторое время выхода послета *hamroyak*. Так как он задержался, бабка приступила к приготовлению для роженицы постели. Она объяснила мне, что выход послета может задержаться, если роженица будет чем-нибудь обрадована. По ее словам, во избежание этого, принято в случае рождения мальчика говорить матери, что родилась дочь, рождение которой обычно встречается менее радостно. Постель роженицы состояла из нескольких сложенных друг на друга одеял, поверх которых бабка бросила грязную ветошку. На нее она посыпала золы и земли, принеся их в подоле со двора. — Зола и земля насыпаются для впитывания послеродовых выделений и меняются по мере загрязнения. Роженица, переодевшись в чистое платье, легла на это весьма не гигиеническое ложе, а бабка приступила к купанию ребенка. Она села на землю, вытянув вперед ноги, и положила на них новорожденного. Мне было предложено лить на него подогретую для этого воду, а бабка терла его крошечное красное тельце своими заскорузлыми руками, произнося при каждом окатывании новорожденного водой обычное *bismillohi rahmoni rahim*; в промежутках же она, по-детски картавя, разговаривала с ребенком. Обмывание было сделано чрезвычайно

небрежно: даже с лица не была вполне смыта покрывающая его жировая смазка. В результате, через два-три дня после рождения от ребенка начал исходить резкий неприятный запах. Этот запах, который держался, примерно, до девятого дня, считается в порядке вещей. Как мне было сказано, это — *bûyi lîlak* «запах ребенка». Покончив с купаньем, бабка вытерла ребенка насухо той же грязной рубашкой, в которую он был завернут до купанья, и принялась его пеленать. Она попросила ваты и, обернув в нее свернутую в клубочек пуповину, забинтовала животик ребенка. Точно также она подложила ему вату подмышки, под подбородок и на лоб, а затем плотно увязала ребенка в грязные детские рубашки, приготовленные для стирки; еще менее гигиенична была пыльная, грязная ветошка, подложенная между ног ребенка.

Положив ребенка около матери, бабка снова принесла в подоле земли и насыпала ее на то место, где происходили роды. Затем она соскоблила серпом (которым перерезали пуповину) все следы родовых выделений и сгребла землю в угол комнаты. Как мне сказали, землю эту нельзя выносить из комнаты до третьего дня. Вымыв руки, бабка положила под изголовье роженицы небольшую лепешку *kulča* и, сев рядом, прочла поздравительную молитву *fatiha*: *morak bôdi âmri xayr, tâni sahât, xotiri jam. Bo oči-dodôs qinamiš kunât. Sinâš ba* (или *emčâkaš ba*) *es šavât, umraš darôz šavât, rizqaš farôz šavât, bo oči-dodôs qinamiš kunât. Oblôh akpâr.* — «Да будет благословенно доброе дело! (пусть будет) здорово тело, спокойна душа! Пусть он (новорожденный) трудится¹ с отцом с матерью. Пусть в груди ее (матери) станет ладно.² Пусть жизнь (ребенка) станет длинной, пусть средства пропитания его будут обильны, пусть он трудится с отцом с матерью. Велик Аллах!» — Вариант такой поздравительной молитвы был записан мной со слов другой старухи-бабки позднее: *morâk bôdi âmri xayr! tâni sahât, xotiri jam, dili be jam, hamîn yamoya a parišoni xudô xudâš nigôh dorât. Pisarâ-*

¹ *qinalmiš kunât.*

² Значение слова *es* мною точно не выяснено.

katon kalón šavát, pešrau-darrau kunát. Bo beqiniyákaš ba bo jüriyák zoyét, har-dúša qúšiyák kará túy kunét, ba mrod-u max-sádaton ba rasét. Omiu, oblóh akpar! — «Да будет благословенно доброе дело. (Пусть будет) здорово тело, спокойны мысли, сердце — без горя. Пусть сам бог охранит от беспокойства и горя. Пусть ваш сыночек вырастет большим. Пусть он станет успешным-преуспевающим. Еще рядом с ним дружочка ему родите, обоим им сразу устройте празднество (обрезания). Достигайте своих целей-желаний. Да будет так! Велик Аллах»!

Послед вышел только на следующее утро. Бабка сказала мне, что она выбросила его собакам. По ее словам, иногда послед зарывают где-нибудь в чистом месте, но она лично считает, что лучше бросать его собакам. Во всяком случае, в ее практике это всегда давало хорошие результаты: и роженица, и ребенок оставались живы и невредимы.

В Самарканде мне не приходилось наблюдать родов лично. Описание их, приводимое здесь, основано на многочисленных расспросах жительниц, как различных гузаров г. Самарканда (Гур-Эмир, Дегча-бIRON, Юсуфбай), так и жительниц кишлака Кусохо. При этом обнаружилось, что имеется довольно значительная разница не только между кишлаком Кусохо и г. Самаркандом, но и между различными гузарами этого последнего. Наиболее полные сведения записаны мной в гузаре Дегча-бIRON. Положив их в основу изложения, я дополню картину сообщениями из других гузаров города, а также из кишлака Кусохо, отмечая имеющиеся там отступления от общего типа. В гузаре Дегча-бIRON бабка, тотчас по приходе, бьет роженицу своим рукавом по спине, приговаривая: *hüy-hüy*, как бы что-то смахивая с нее или кого-то сгоняя. Она prepares светильники *nukča* и расставляет их в различных местах дома: по одному она втыкает в четырех углах комнаты со словами: *ba háqi alawón-moto* «это для *alawón-moto*»; по одному — за дверью снаружи и на пороге, предназначая их *alaw-moto* «огненной *moto*», которая отличается быстротой и приходит, на зов

раньше всех других: *ostoná ba nukča memonát, alaw-moto guftá, ob-u otáš dak tez byot* («ставит нукчи на пороге, поминая *alaw-moto*, чтобы она пришла быстро, как огонь и вода»).

Покончив с нукчами, бабка берет сурфу с мукой и гладит ею живот роженицы; в гузаре Гур-Эмир при этом говорят: *dásti man ne, dásti momohóyi miroší* «это не моя рука, а рука унаследованных (мною) *motoho*». После этого сурфа оставляется открытой посреди комнаты, и в муку тоже втыкается нукча со словами: *kšo íši bexavár tet* «дайте незаметную (легкую) развязку дела».

В гузаре Гур-Эмир, раскрывая сурфу, на муку бросают кусок белой материи *royandózi momohó* «подножие *motoho*», по которому они должны прийти к роженице. Сурфа открывается также и в гузаре Юсуфбай. Нукчи же там не зажигаются вовсе (?). В кишлаке Кусохо ставится 8 нукчей в четырех углах комнаты, по два в каждом, в гузаре же Гур-Эмир две нукчи втыкаются куда-нибудь в нишу, обычно над дверью. В гузаре Дегча-бIRON бабка берет также несколько зажженных нукчей (от 11 до 21) и обводит ими вокруг ног и под пологом роженицы — *alas mekunat*. Затем бабка мажет живот роженицы маслом, что должно облегчить боль. Это практикуется во всех упомянутых мной районах Самарканда. Точно также повсеместно распространен обычай надрезать гребень курицы и мазать ее кровью лоб, виски, живот и поясницу роженицы. Этот обряд носит явный характер искупительной жертвы. Кровь курицы отдается за кровь роженицы. Такой характер обряда подчеркивают и произносимые при этом слова: *ba háqi xun-xurón; xúnat ba xun 'dodém* «это для духов, пьющих кровь; вот мы отдали тебе кровь за кровь» (кишлак Кусохо); *ba háqi xun-xurón; jónaš ba jón, qónaš ba qon* «это для духов пьющих кровь; за ее (роженницы) душу — вот душа, за ее кровь — вот кровь!» (гузар Дегча-бIRON). Эта жертва приносится не только духам, пьющим кровь, но также и *motoho*, о чем свидетельствуют слова, произносимые при этом в гузаре Гур-Эмир: *ba háqi momohó, ba háqi xun-xurón* «это для *motoho*, это для духов, пьющих кровь».

После этого бабка делает курицей *alas* — обводит ею несколько раз вокруг головы и ног роженицы. В гузаре Гур-Эмир приэтом говорится: *dard-u balóyi oša-baša muru girat* «болезни и несчастья матери и ребенка пусть возьмет курица». Затем курица выбрасывается за дверь, и бабка уносит ее с собой, когда уходит из дома роженицы. Точно также ей отдают муку, которая была в сурфе, и масло, из которого брали часть для смазывания живота роженицы. По всей вероятности, эти предметы удаляются из дому намеренно, как воспринявшие на себя болезни и несчастья матери и ребенка. По словам моей осведомительницы, всегда ограничиваются лишь надрезанием гребня; считают, что убийство какого-либо живого существа во время родов может повести к смерти роженицы.¹ В Самарканде рожают, стоя на коленях перед низким столиком *sandali*, опершись на него локтями. Бабка же, подсев сзади, поддерживает роженицу за ягодицы. Когда роды приближаются к концу, бабка подставляет руки, не давая ребенку упасть на землю. Пуповина перерезается обычно бритвой; но если у матери дети не живут, для этого иногда употребляется туземный топорик *teša* или большой топор. В первом случае ребенка называют *teša-boy*, во втором — *balta-boy*. Это делается с целью испугать вредящих духов, которые боятся этих вещей.

Иногда пуповину перерезают на пороге, что тоже должно уберечь ребенка от смерти.² В таком случае его называют *ostona-qul*. Пуповина, как и в Шахристане, обрезается очень длинная, причем длина ее отмеряется по ребенку, так чтобы конец достигал его темечка. Делается это из тех же соображений, что и в Шахристане.

Почти во всех гузарах ребенка тотчас же после рождения обмывают, произнося приэтом лишь обычное *bismillohi rahmoni*

¹ Как мне сообщали, надрезание гребня курицы и смазывание ее кровью тела роженицы практикуется при трудных родах и в кишлаке Шахристане, однако, там никакого заклинания приэтом не читается.

² Порог играет существенную роль в обрядности таджиков, повидимому, как место, обитаемое духами.

rahim. Исключение представляет гузар Дегча-бирон, где обмывание ребенка совершается лишь по специальной просьбе; обычно же его просто обтирают насухо. Роженица, сидя на корточках, ждет выхода последа, известного под тем же названием *hamroyak*. Когда послед вышел, она садится на него на несколько секунд, что делается из предосторожности, чтобы не простудиться: *šamól na rasád*. Послед зарывают тут же где-нибудь в комнате, обычно, у порога. Если же дети не живут, его вместе с золой кладут в глиняный кувшин и вешают на фруктовое дерево. Когда ребенок вырастает, он залезает на дерево и разбивает кувшин, сбросив его на землю (гузар Хаузи-сангин). В кишлаке же Кусохи кувшин снимают и дают ребенку в качестве игрушки. Там же, если у женщины дети не выживают, послед иногда бросают на съедение сорокам. По всей вероятности, в последнем случае, также как и при выбрасывании последа собакам в Шахристане, считается, что послед является носителем того миазма, который ведет к смерти детей вскоре после их рождения. Когда же послед съедают сороки или собаки, миазм этот передается им, и женщина от него избавляется.

Аналогичные способы передачи болезни животным применяются у таджиков достаточно часто; примеры их были приведены мной в докладе «Лечение болезней у таджиков», прочитанном в 1923 г. в студенческом научном кружке при Восточном Факультете САГУ (тогда ТВИ). В городе Самарканде (гузар Хаузи-сангин) мне сообщили еще об одном интересном способе спасти ребенка от смерти в том случае, если невыживание детей приписывают «тяжести» их матери: выбирается какая-нибудь старая металлическая посуда, оставшаяся еще от деда или прадеда. Тотчас после рождения ребенка призывают старшего брата или сестру его и спрашивают, что он возьмет: посуду или новорожденного. Надо предпочесть посуду. В результате, по поверию, ребенок получает крепость и долговечность того предмета, на который он был обменян.]

На третье утро после рождения ребенка, или около того,

отец его, встав рано утром на первую утреннюю молитву *namózi sahár*, кричит азан¹ над ухом ребенка, — обряд, который должен приобщить новорожденного к религии своих родителей — мусульманству. В некоторых местностях (Канибадам) этот обряд совершает специально для этого приглашаемый имам ближайшей мечети.

Как в Самарканде, так и в Шахристане смертность от родов довольно значительна, причем, и по моим наблюдениям, и по сообщениям, полученным мной от таджиков этих районов, смерть чаще наступает не во время родов, а некоторое время спустя, и вызывается, очевидно, неумелостью ухода и антигигиеничностью обстановки.

В Шахристане женщина, умершая от родов, считается *šohid* «мученица за веру», так как она «омылась кровью» и, также, как и тело воинов, убитых в бою, ее труп не обмывается. Там существует поверие, что при начале родов Фатима² постигает в раю для роженицы постель из сорока одеял. Душа женщины, умершей во время родов, направляется прямо в рай, где она возлежит на сорока одеялах. Каждый день, который проходит после родов, Фатима убирает по одному одеялу. По истечении сорокадневия *çilla*, все сорок одеял оказываются убранными и роженица лишается уготованного ей блаженства.

III. Сорокадневие после родов *çilla* и его окончание.

Первые сорок дней после родов носят название *çilla*. Этот период считается полным опасностей и для матери и для ребенка. Они становятся в это время особо податливы на магическую заразу: на них легко может перейти *bor* «тяжесть» с людей, отягченных ею. Тяжесть эта передается, как я уже говорила,

¹ Призыв на молитву اذان.

² Фатима فاطمه — дочь Мухаммеда, жена халифа Алиа, наиболее популярная святая в Средней Азии.

главным образом, через прикосновение и перешагивание; иногда она переходит и от совместного пребывания в одной комнате. Зная это, люди, носящие тяжесть, нередко намеренно приходят в соприкосновение с родильницей, стараются тайком перешагнуть через нее или через ребенка.¹

Во время *çilla* вокруг матери и ребенка собираются всевозможные темные силы, которые ждут лишь удобного момента, чтобы повредить им, чтобы подчинить их своему влиянию. Поэтому большое место в уходе за роженицей занимают обереги ее и ребенка от влияний темных сил и от магической заразы.

Родильница в течение сорока дней не должна выходить за пределы своего дворика, и, тем более, выносить ребенка. Сорок ночей она спит в комнате, где происходили роды, сорок ночей там горит свет, так как темнота является особенно удобной для всяких враждебных сил и потому опасной. В Шахристане в период *çilla* женщины, приходящие в дом, здороваются с роженицей лишь издали, не обнимаясь, как это там принято, из опасения, что их «тяжесть» может перейти на роженицу. В течение этого времени, из тех же соображений, избегают устраивать в доме какие-нибудь отчитывания, *küçurma* и т. д.

В Самарканде до истечения *çilla* к роженице и ребенку не пропускают лиц, только что пришедших с улицы; даже старшие ребяташки, если они выбегали на улицу, должны пробыть около часа в другой комнате, и только после этого им разрешается подходить к новорожденному. Не пускают к роженице и ребенку также и тех женщин, которые перед этим виделись с мужчинами-неродственниками, «видели улицу» *nomahrâma mebinât, küçohôya mebinât*.

Нельзя также подходить к роженице и ребенку, побывав в доме, где есть мертвец. В течение первых девяти дней, которые

¹ Восприимчивость к магической заразе в период *çilla* обладает не только человек, но и животные; поэтому женщины, «имеющие тяжесть», нередко, чтобы избавиться от нее, перешагивают через какое-нибудь домашнее животное, находящееся в периоде *çilla* (кишлак Кусохо).

считаются особо опасными, стараются ни на минуту не оставлять роженицу и ребенка в одиночестве. В комнате, где они помещаются, постоянно присутствуют несколько женщин, так как присутствие людей служит помехой враждебным силам и не дает им возможности оказать свое вредоносное влияние на мать и ребенка.

Одна женщина, у которой несколько детей один за другим умерли вскоре после рождения, рассказывала мне, что над одним ребенком она сидела, не смыкая глаз, все сорок ночей *çilla*, боясь, что если она заснет, злые духи погубят ребенка. Ребенок этот остался жив, что, конечно, было приписано действительности примененного ею средства (Самарканд, гузар Гур-Эмир). В гузаре Дегча-бирон нередко к косяку двери той комнаты, где лежат роженица и ребенок, привешивают головки лука и стручки красного перца. Это должно преградить в комнату доступ всяким злым духам, которые боятся неприятного запаха лука и едкости перца. Там же мне сообщили еще об одном очень интересном способе уберечь ребенка в период *çilla*: около порога комнаты роженицы в землю вбивают кол из плодового дерева. Каждый, входящий к роженице, ударяет рукой по колу и лишь после этого входит в комнату. Очевидно, ударяя рукой по колу, входящий переносит на него весь миазм, который мог бы повредить ребенку; то же обстоятельство, что кол берется от плодового дерева, также имеет свое магическое значение: это должно сделать мать плодovitой. Точно так же к числу оберегов следует отнести и нередко практикуемый обычай не кормить ребенка грудью первые дни после рождения. Предполагают, что с молоком матери могут передаться ребенку и ее болезни и несчастья, ее *bor*. Обычно ребенку не дают груди до трех дней; если же дети не живут, избегают кормить новорожденного до пяти, девяти и даже одиннадцати дней. В этот период его кормят сметаной, сливками или коровьим маслом, что несомненно, вредно отражается на его здоровье и, как мне приходилось наблюдать, нередко ведет к тяжелым заболеваниям кишечника и даже к смерти.

Кроме оберегов от магической заразы и от враждебных духов, роженице вменяется в обязанность придерживаться известной диеты. Как в Самарканде, так и в Шахристане считается полезной «горячительная» пища и вредной «холодная». При этом, по мнению самаркандских таджиков, холодная пища вредит не столько матери, сколько ребенку. В Шахристане диета соблюдается в течение девяти дней, в Самарканде — во время всей *çilla*.

Обычной пищей роженицы являются всякого рода *atala* — мучные кисели, приготовленные на сале (*atali bo rıyan*, *atali kici*) или на молоке и сметане (*atali safet*).¹ Вместо зеленого чая она пьет черный, с большим количеством разведенного в нем сахара. Как было уже сказано, особенно опасным для роженицы и ребенка считаются первые девять дней после родов, а из них — пятый и девятый, которые отмечаются обрядами и угощениями. В Самарканде отмечается также и третий день, в который происходит надевание так называемой «собачьей рубашки» *it kiyilaki*,² представляющей собой простой кусок материи, обычно не новой, посредине которой прорывается (а не прорезается) отверстие для головы. Одевание ее сопровождается интересными обрядами, цель которых сделать ребенка крепким, здоровым и смирным, сделать долгой его жизнь, или же вызвать плодovitость у матери.

Приготовив «собачью рубашку», бабка, принимавшая ребенка, надевает ее сначала на колышек, к которому привязывали барана, приговаривая: *bismillóhi rahmóni rahim! gusfán dakak barin*

¹ Сказанное находится в прямой противоположности со взглядами оседлого населения г. Ташкента и Чимкентского уезда, сообщенными А. Л. Троицкой в статье «Первые сорок дней ребенка (чилля) среди оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда». В названных местностях считается вредной роженице «горячая» пища и полезной «холодная», к числу которой относится здесь и *atala*.

² Название употребляется узбекское. Возможно, что название рубашки имеет связь с мазденистическим взглядом на собаку, как на животное священное, отгоняющее злых духов.

faqirakak šau, qobil šau, dam šau «во имя господ милостивого и милосердного! как барашек стань, смиренным стань, послушным стань, молчаливым стань!».

Во второй раз рубашечку надевают на пест от ступки, каковым обычно служит *sāngi-qayróq* «прочный точильный камень». Приэтом говорится: *bismillóhi rahmóni rahím! sāng dakak šau, sáxtakak šau* «во имя господ милостивого и милосердного! как камешек стань, крепким стань!». Лишь в третий раз рубашечку надевают на ребенка, говоря: *illóhi parvardigór! kalón šau; úmri in yak sol, úmri tu* (или *úmri in muqaddám*) *sat sol illóhi qobil šau, mumín šau, musurmón šau, ba rizqi rúžit šau*. «О боже, промыслитель! стань большим, жизнь этой (рубашки)—один год, жизнь твоя (или: жизнь этого благословенного)—сто лет. О боже! стань послушным, стань правоверным, стань мусульманином. Пусть у тебя (всегда) будет дневное пропитание!» Иногда, если у матери новорожденного дети не родятся или не живут, «собачью рубашку» надевают также на собаку (самку), говоря приэтом: *kučik-bačá dak bisyór šave-tón* «пусть вас будет так же много, как щенят!»¹ На следующий день *it-kuylaki* меняют на настоящую рубашечку, сшитую обычным покроем; надевание ее никакими обрядами не сопровождается. В Шахристане «собачья рубашка» носит таджикское название *kurtáyi sagák*; однако, при надевании ее никаких обрядов не совершается. Повсеместно отмечается пятый день после рождения ребенка, собственно говоря, вечер накануне пятого дня *begoí ranj*, который в Самарканде обычно называется *ranj solá* «пятилетие», в качестве пожелания ребенку прожить благополучно до пяти лет.

К этому дню обычно отсыхает и отпадает пуповина. Ее завязывают в тряпочку и привешивают к колыбели ребенка *hamró-haš šavát* «пусть станет ему спутником». В Самарканде приэтом

пупок присыпают землей, взятой со стенок очага *kuloxi ošton*, или же особым порошком, которым пожилые женщины чернят себе зубы, так называемым *tisqoli*.

Там же до отпадения пуповины нельзя произносить таких слов, как нож, ножницы, игла, наперсток. Какие представления связываются в данном случае с этими предметами, мне выяснить не удалось. В Шахристане в *begai ranj* родители новорожденного устраивают угощение женщинам — соседкам и ближайшим родственницам, после чего исполняются некоторые обряды. Мне пришлось наблюдать их в той же семье, где я наблюдала роды. Когда гости покончили с угощением, бабка разожгла в черепке священную траву *isriq* или *hazor ispan*¹ и поставила ее у изголовья матери. Некоторые из присутствующих женщин бросали в огонь кусочки материи или ниток, отрывая их от своей одежды.

Исполнявшие это не смогли объяснить мне значение обычая. Повидимому, оно заключается в том, что сжиганием части своей одежды присутствующие хотят обезопасить ребенка от всякого дурного влияния со своей стороны, так как это влияние может грозить ребенку и помимо их желания и ведома. Во всяком случае, сжигание кусочка от одежды сглазившего считается хорошим средством уничтожить последствия сглаза.

Зажегши *isriq*, бабка приступила к обряду *sux-sux*, целью которого, по ее словам, является предотвращение всяких дурных влияний, предохранение от них матери и ребенка. Она дала матери разжевать немного луку; та исполнила это очень тщательно, после чего выплюнула лук на совок для сгребанья углей. Бабка плюнула в лук со своей стороны и попросила сделать то же и меня.

Затем бабка примешала туда немного сажки от котла и начала смазывать этим неаппетитным месивом виски ребенка,

¹ Значение *isriq*'а в обрядности Средней Азии отмечалось неоднократно в этнографической литературе, что избавляет меня от необходимости говорить о том же (см. статью А. Л. Троицкой, помещенную в сборнике, посвященном В. В. Бартольд, и другие).

¹ Ср. надевание *it-kuylaki* в Ташкенте, сообщенное А. Л. Троицкой в цитированной статье (стр. 355).

темя, затылок, за ушами, грудь, живот и спину в нескольких местах, ладони и тыл рук, колени, под коленями и ступни по одному разу сверху и снизу. Она смазала также виски, лоб и грудь матери. При этом она приговаривала: *súqi daydi bošát, súqi mečkáy bošát, ini očaš bošát, ini dodoš bošát, ini yak xéli xištaš¹ bošát, gušná bošát, — qutarsún yúgini, bersún éngini* «если это будет сглаз² нищего или сглаз жадного, сглаз матери, или сглаз отца, или сглаз какого-нибудь родственника, или сглаз голодного, — пусть поднимут (духи) свою тяжесть, дадут облегчение».

Покончив с процедурой смазывания матери и ребенка сажей с луком, бабка прочла молитву-заклинание, содержащее благие пожелания ребенку. Как и обычно при всяких заклинаниях и магических действиях, оно оканчивается словами: *dástam em šavát, zavónam daróz šavát* «пусть моя рука станет удачливой, мой язык станет длинным».³ Как было уже сказано, обряд *sux-sux* должен охранить мать и ребенка от всяких злых влияний. Помимо соответствующих молитв и заклиний, этому способствуют и самые вещества, употребляемые при обряде.

Лук, также как и чеснок, имеет свойство отгонять злых духов своим резким, неприятным запахом. По всей вероятности, той же цели служит и сажа, которая, очевидно, должна придать ребенку неприятный, устрашающий вид. Вообще же, саже приписывают какое-то отгоняющее, отталкивающее духов свойство, возможно, и помимо ее неприятного вида. Так, в некоторых гузарах Самарканда смазывание ребенка сажей, не являясь

¹ По всей вероятности следует *xéšaš*.

² Мне не удалось точно выяснить значение слова *sug*. По толкованию самаркандских таджиков, это слово обозначает дурное влияние недоброго, особенно, завистливого человека, которое вызывает у того, к кому эти недобрые чувства относятся, болезнь, чаще всего желудочные боли. Сглаз же вызывает на теле нарывы в виде глаза, в чем и заключается разница между сглазом и *sug*. *Sug* может перейти от самых близких людей, даже от отца с матерью. Обряд *sux-sux* должен отвратить влияние *sug'a*.

³ Т.-е. «преуспевающим»: *gabon darozi* «успешность».

обрядом, практикуется время от времени в продолжение его младенчества.

При сильном испуге, как ребенку, так и взрослому дают выпить с водою немного сажки от котла, или же смазывают ею же нёбо. Сильный испуг же, как было уже сказано, считается удобным моментом для перехода «тяжести» *bor*. Сажа должна предохранить от этого. При буйном помешательстве *šaytonlamiš* в рот больного стараются положить сажу от котла, вместе с луком или чесноком, что, очевидно, должно изгнать духа, послужившего причиной сумасшествия. Относительно же плевания в смесь сажки с луком следует заметить, что слюна считается обладающей магической способностью передавать качество ее хозяина. Так, и в Самарканде, и в Ура-тубе матери приносят иногда своих детей к старым, уважаемым и почтенным людям, прося их плюнуть в рот ребенку: *dahánaš ba tuf kunet*, чтобы ребенок стал таким же почтенным и уважаемым и жил так же долго. Возможно, на этом же поверии основано и плевание в смесь сажки с луком.

В Самарканде в пятый вечер обычно приглашаются как женщины, так и мужчины. Ребенка гостям не показывают, боясь сглаза. Обрядов, подобных шахристанским, не исполняют и дело ограничивается угощением и наречением имени. Имя нарекает та же бабка; в читаемой после угощения молитве она, в числе других пожеланий ребенку, говорит: *illóhi parvardigor! nomat gum na šavát!* «о, боже, промыслитель! пусть не потеряется твое (ребенка) имя!».

До наречения имени в Самарканде ребенка обычно зовут *salimsoq* «чеснок»; как было сказано, злые духи боятся запаха чеснока; неприятное для них имя должно отогнать их и охранить ребенка от их происков. Иногда это имя *salimsoq* остается и на всю жизнь.

Отступая немного в сторону, я хотела бы сказать несколько слов об именах, употребляющихся у таджиков. В настоящее время, как в Самарканде, так и в Шахристане наиболее употре-

бительными являются имена мусульманские: пророка Мухаммеда, халифов Усмана, Умара и Али, — два последние обычно в соединении с именем Мухаммеда; в произношении, при этом, имя *Muhammad* сокращается в *Mad*: *Mad-Umar*, *Mad-Ali*. Имя халифа Абу-бекра мне не встречалось.

Очень часто употребляются имена Аллаха в сочетании с *abdu* «раб»: *Abdu-karim*, *Abdu-jabbor*, *Abdu-rahim* и т. д. Близнам дают имена двух внуков Мухаммеда — *Hasan* и *Huseyn*. Блинецов — девочек называют *Fatima* и *Zuhro*. Первое является именем дочери Мухаммеда, второе — ее эпитетом «сверкающая»; несколько реже встречаются имена двух жен Мухаммеда — *Oyša* и *Xodiša*; очень часто, в качестве женских имен, употребляются арабские имена существительные женского рода, или женский род некоторых арабских же имен прилагательных. Из первых можно упомянуть такие, как *Šarofat* «благородство», *Karomat* «чудо», *Nazokat* «прелесть», *Muhabbat* «любовь» и т. д. Из вторых *Habiba* «любимая», *Aziza* «милая», *Ĵamila* «красивая», *Oliya* «высокая» и др.

Значительно реже встречаются имена чисто таджикские. Из них чаще других можно встретить имя национального персидского героя, одного из персонажей поэмы Шах-наме, *Rustam*, которое дается детям обоего пола. Довольно часто, в качестве женских имен, употребляются названия драгоценных камней: *Yoqut* «яхонт» и *Zumrad* «изумруд». Детям, имеющим заметную родинку, дают имя *Xol* «родинка», с соответствующей каждому полу приставкой: *boy* для мальчиков и *bibi* для девочек. Иногда вместо *boy* прибавляется имя *Muhammat*: *Xol-Muhammat*, *Xol-Mat*.

В особую категорию следует выделить имена, обычно таджикские или узбекские, выражающие то или иное пожелание. Эти имена являются своего рода заклинаниями, средствами принудительно воздействовать на силы природы или на различных духов, заставить их дать просимое или требуемое. Чаще всего эти имена являются пожеланиями ребенку крепости, здоровья и дол-

гой жизни и нарекаются тогда, когда у женщины дети родятся болезненными и не выживают. Таковы имена: *Sangin-boy* «каменный», *Toš-boy* «камень»,¹ *Pulot* «сталь», *Maxkam* «крепкий», *Istat* и *Tursun* «пусть живет», *Monat* «пусть останется».² Если у женщины долго не было детей или между ними был большой промежуток, первому родившемуся после перерыва ребенку дают имя *Hamro* «спутник», чтобы после него родились еще дети, как бы ему в спутники. Это же имя нарекается в том случае, если при рождении ребенка его послед *hamroyak* был положен в кувшин и повешен на плодовое дерево.

Если ребенок рождается с какими-нибудь телесным недостатком, его называют *Očildi*, что значит «открылся, развязался» — чтобы его недостаток исправился, «развязался»: *kšodā šudā ravāt guftā*, *Očildi nom memonān*. Если в семье рождаются одни лишь девочки, одной из них дают имя *Bas-bibi* «довольно девочек», или *Uyul* «сын». Последнее, может быть, является не только заклинанием, но также попыткой обмануть духов, которые своим влиянием не позволяют женщине родить сына. Давая дочери имя *Uyul*, хотят уверить духов, что сын уже есть, что «тяжесть» *bor*, которая мешала рождению сына, уже сброшена. Тогда духи отступятся от женщины, ослабят свою бдительность, и она действительно сможет зачать сына.

Интересно отметить также имя *Sotib oldi* «купил», которое можно встретить достаточно часто. Оно основывается на очень любопытном обряде покупания ребенка. Если у женщины дети не живут, новорожденного, тотчас после его появления, отдают какой-нибудь соседке или родственнице, по возможности многодетной. Ребенок остается у нее от пяти до одиннадцати дней, после чего мать выкупает его, в Самарканде — за деньги, в Брич-мулле — за пшеницу. В последнем случае на одну чашу

¹ Иногда слово *Toš* сочетается с именем пророка Мухаммеда: *Toš-Muhammad*

² Первые три имени употребляются лишь в качестве мужских, имена *Maxkam* и *Tursun* даются детям обоего пола, имена же *Istat* и *Monat* являются специфически женскими.

весов кладут ребенка, на другую насыпают пшеницы, так чтобы вес их оказался равным. К пшенице обычно присоединяют и другой более ценный подарок, иногда барана или козла. Покупая своего ребенка, мать хочет уверить враждебные силы в том, что это не ее ребенок, т.-е. не тот, которому они намеревались вредить, в знак чего ребенку и дается имя *Sotib-oldi*.

В девятый вечер после рождения ребенка *begóyi nūh* устраивается вторичное угощение, причем традиционным блюдом на этот раз является *čalpak* — жареные в масле тонкие лепешки, тогда как в пятый вечер, обычно, подается плов. После угощения оба раза читается поздравительная молитва *fothai morak bod*, по своему содержанию не отличающаяся от сообщенной уже при описании родов. В Шахристане в *begóyi nūh* совершаются те же обряды, что и в *begóyi ranj*. По прошествии девяти дней мать и ребенок получают разрешение выходить из комнаты. Мать моет голову, совершает полное омовение и приступает к своей повседневной работе. В Шахристане в первую среду после рождения ребенка совершается интересный обряд, посвященный покровительницам родов и патронессам бабок *tomohó*. Он неизвестен ни в Самарканде, ни в Канибадаме.

Присутствуют на нем обычно немногие: ближайшие родственницы отца и матери ребенка, две-три соседки и бабки. Так же, как и при родах, и там же, т.-е. за дверью в комнате, зажигаются светильники. Приготавливается особое кушанье, так называемый *qiyutoq*, *qiyutóqi tomohó*. Это — род блина, сделанного из жидкого теста, зажаренного в масле.¹ Его съедают присутствующие. После еды бабка произносит на узбекском языке молитву-заклинание следующего содержания: *aytkánim qawúl busún, muródi hosíl busún, qiyánim em busún, oqurini olip, engilini berip, nupár-kulúr ketsún, qiyutoqini qilip, hay-hay qilip, čiroqini yuqir, oqurini olip, engilini berip, nupár kelip*,

¹ Это кушанье под тем же названием известно и в Самарканде. Как мне сообщили, оно подается там на празднике, устраиваемом в честь духов, перед тем, как стать гадалкой — на так называемом *pari talbon'e*.

nupár kessún «пусть будет принято сказанное мной! пусть будет (дано) исполнение его (ребенка?) желаний! пусть удачно будет сделанное мной! взяв свою тяжесть, дав ему легкость, пусть уходят (*tomohó*), смеясь и играя; мы сделали *qiyutoq*, о радость, радость! сделали! мы зажгли для них светильники; пусть же они возьмут свою тяжесть, дадут ему легкость, и как пришли, смеясь и играя, так играя пусть и уходят!» (записано со слов старухи-бабки, по имени Биби-Мастура, таджички из Шахристана). Кончив молитву, бабка и кто-нибудь из пожилых женщин, присутствующих на угощении, хлопают в ладоши и громко хохочут. В случае, виденном мной, бабка схватила также блюдо, на котором был подан *qiyutoq*, и стала бить в него, как в бубен. Цель этой церемонии расположить *tomohó* в пользу матери и ребенка, развеселить их и позабавить. Угощение же носит явный характер жертвы. Совершенно ясное представление имеется на этот счет и у населения; о том же говорит нам и читаемая при этом молитва.

Точно так же торжественно обставляется и первое положение ребенка в колыбель — так называемый *gavora-bandon* — тоже сопровождаемое обрядами, цель которых охранить ребенка от влияния злых духов, дать ему крепость и здоровье, сделать его жизнь обеспеченной мирскими благами.

Особенно торжественно обставляется положение в колыбель первенца, а также первого или единственного (если остальные умерли) сына. Тогда устраивается большое угощение всему гузару, у людей состоятельных продолжающееся не один день. Положение же в колыбель других детей, особенно девочек, совершается гораздо менее торжественно. Приглашаются только женщины, да и то лишь ближайшие родственницы и соседки, и дело ограничивается лишь пловом или *čalpak*'ами.²

¹ *hay-hay* непереводаемое междометие, обозначающее похвалу, радость, одобрение.

² Разница в торжественности положения в колыбель сына и дочери особенно резка в Шахристане.

В Самарканде *gavora-bandon* обычно приурочивается к девятому дню, но так, чтобы оно пришлось либо в понедельник, либо в пятницу. Дни эти считаются хорошими, легкими, благоприятными для всякого дела.

Так же, как и при описании родов, приходится отметить значительную разницу в обрядах, сопровождающих *gavora-bandon* в различных частях города и окрестностей.

Gavora-bandon в гузаре Гур-Эмир и в кишлаке Кусохо, где мне лично наблюдать обряда не приходилось, судя по рассказам, совершается одинаково и происходит следующим образом: когда колыбель готова, бабка берет каменный пест от ступки *sangi-qayróq*, кладет его в колыбель поперек или наискосок и спрашивает окружающих: *intu monám mi?* «так положить?» Те отвечают отрицательно. Тогда она кладет камень опять наискосок, но в другую сторону и, повторив свой вопрос, снова получает отрицательный ответ. Лишь в третий раз она кладет камень так, как должен лежать ребенок, и на вновь повторенный вопрос получает ответ: *ha, intu monet* «да, так положите!».

Тогда бабка кладет камень под изголовье, берет гребешок и повторяет с ним всю церемонию. Получив, наконец, утвердительный ответ, она кладет гребешок под изголовье, а затем то же проделывает и с зеркалом. После этого в колыбель прибинтовывается ребенок; мать садится рядом и дает ему грудь. Продолжая кормить ребенка, она закусывает лепешку, которую ей протягивает бабка, и держит ее в зубах. Остальные дети, присутствующие в комнате, давно ждут этого момента. Они на перегонки стараются схватить эту лепешку, затем убегают с ней и, поделивши между собой, съедают. Как мне говорили, эта лепешка олицетворяет собой те празднества, угощения *tiy*, которые будут даны в честь новорожденного в его дальнейшей жизни. Что же касается предметов, которые примеряются в колыбель прежде, чем положить туда ребенка, то, по словам моих осведомительниц, камень должен дать ему крепость: *sáraš as sang šavát* «пусть

голова его станет из камня!», зеркало приносит светлую, радостную жизнь и предохраняет от испуга: *hammešá ba sáraš rûšani va gardát, na tarsát* «всегда пусть его голова пребывает в светлости, пусть он не пугается!», а гребешок должен отогнать от него всяких злых духов: *ins-u ĵinsa gardonát*.

Кроме этих трех предметов, под изголовье обычно кладется чеснок, лук и красный перец, тоже с целью охраны ребенка от злых духов, а также небольшая цельная лепешка *kulča*. На мой вопрос, для какой цели кладется лепешка, одни мне отвечали: *nóna róhaš kalón, na tarsat* «у хлеба большая дорога: чтобы он (ребенок) не пугался»; другие же говорили, что хлеб является как бы спутником ребенка: чтобы, когда мать и домашние случайно отойдут от колыбели, ребенок не оставался в одиночестве: *tanhó na monát*. Одиночество очень опасно: злые силы в этот момент легко могут проникнуть к ребенку и погубить его.

По сообщению Мархабо Комиловой, студентки рабфака САГУ, уроженки и жительницы Самарканда, гузара Хаузи-Сангин, в этом гузаре первое положение ребенка в колыбель носит несколько иной характер. Прежде чем приступить к обряжению колыбели, бабка делает над ней *alas*: навязав на палку тряпки и обмакнув их в масло, она зажигает их и трижды обводит огнем вокруг колыбели.¹

Затем она сжигает на колыбели кусочек ваты. По словам моей осведомительницы, последнее делается лишь в том случае, если колыбель куплена наново, а не перешла к новорожденному по наследству от старших детей, уже из нее выросших.²

¹ Обычай обводить колыбель огнем *alas*, также как и сжигание в ней ваты, несомненно связан с мадеистическим взглядом на огонь как на начало очищающее, изгоняющее злые силы. В гузаре Гур-Эмир, где тоже иногда практикуется сжигание в колыбели ваты, мне прямо заявили, что это делается для того, чтобы злые духи *pari* испугались огня и убежали: *pariho a alaw tarsat, gurezat*.

² Очевидно, считается, что в колыбели, не бывшей еще в употреблении, находятся какие-то духи, которые могут повредить ребенку.

Под изголовье колыбели, помимо лука, перца и лепешки, кладется также и горсть соли, значение которой моя осведомительница объяснить мне не могла. Можно отметить, хотя тоже без истолкования, что соль нередко употребляется при лечении болезней магическими способами и, очевидно, тоже играет роль оберега.

Обрядив колыбель, бабка берет ребенка и трижды примеряет его в колыбель. Дважды она кладет ребенка неправильно, вкось, или ногами к изголовью, и лишь в третий раз — как следует. При этом она каждый раз задает те же вопросы, что и в районах, описанных ранее; как и там, дважды ей дают отрицательный ответ; в третий же раз — с положением ребенка соглашаются, после чего ребенок прибинтовывается к колыбели и происходит та же церемония выхватывания детьми лепешки, что и описанная ранее. После этого бабка разбивает несколько орехов, кладя их на ручку колыбели, над изголовьем. Орехи тут же съедаются присутствующими. Разбивание их должно сделать ребенка не пугающимся шума и брани. Примеривание в колыбель гребня, камня и зеркала не практикуется. По словам той же Мархабо Комиловой, камень *sangi-qayroq* кладут в колыбель в том случае, если мать с ребенком надолго уходят из дому. Это делается для того, чтобы колыбель не пустовала: *xušk na šavat*. Опустение колыбели может признаваться нежелательным по двум мотивам: колыбель пустует в случае смерти ребенка; по магическому закону сходства пустая колыбель может вызвать его смерть; с другой стороны, в пустую колыбель могут проникнуть злые духи, которые погубят ребенка, если он после того будет туда положен. Замена же ребенка именно камнем, по всей вероятности, имеет то же значение, что и при примеривании в колыбель камня: она должна дать ребенку крепость и здоровье.

Сильно разнится от только что описанного положение в колыбели в гузаре Хаузи-балянд части Календар-хона, где мне приходилось наблюдать обряд лично.

В этом гузаре примеривание в колыбель разных предметов или самого ребенка не практикуется вовсе. Прежде чем приготовить колыбель, бабка сжигает в ней три кусочка ваты, положив их около горшечка; пепел после сгорания ваты сбрасывается в горшечек. При этом бабка шепчет: *qurqoq-qurqoq* «пугливый, пугливый». Так же называется и весь обряд. Под этим же названием обряд совершается и в некоторых других гузарах, где он с положением в колыбель не связывается и имеет целью лишь охранить ребенка от вредных последствий испуга. Кончив *qurqoq*, бабка прибинтовывает ребенка к колыбели. Дальнейшее от описанного ранее не отличается; при раскалывании орехов бабка приговаривает: *dadet šaukun kunan, na tarse, šaukun šavat, na tarse!* «отец твой зашумит (будет сердиться), не пугайся! шум произойдет, не пугайся!» Во всех гузарах обряд заканчивается молитвой, в которой, помимо хороших пожеланий ребенку, испрашивается благополучие городу, дешевые цены и благословение текущей воде. Молитва эта очень обычна и по содержанию, и по форме; поэтому я привожу здесь лишь ее последнюю часть, представляющую интерес.

Alhám — yak hazór, qulh-obló — du hazór, oyáti kursí ba girdam — hissór; xudó nigohdór, Ali madadgór; qulfam bar Muhammád, kalidam ba maliki jabbór, bemór ba — šafó, qarzdór ba — najó, žumlá ummáti kalima-gúy ba mród-u maxsadás rasón, illóhi, omin!

«*Alham*¹ (будет прочтен) тысячу (раз), *qulh-oblo ahad*² — две тысячи (раз); стих *kursi*³ вокруг меня (будет крепостью); охранитель (мой) бог, помощник — Али, замок мой — на Мухаммеде, ключ — у царя всемогущего (или «на царе всемогущем»); пусть он даст больным исцеление, должникам — освобождение! всю общину правоверных (произносящих свидетельство веры) доставь к исполнению желаний! о, боже, да будет так!»

¹ Коран, глава I.

² Коран, глава *سورة الاخلاص* 112.

³ Коран, глава II, стих *kursi*, стих 256.

Эта молитва интересна словами: «мой замок — на Мухаммеде, мой ключ — у царя всемогущего» (или «на царе всемогущем»). Эти слова представляют из себя обычный в магии прием закрепления заклинания; символами этого закрепления в магии служат ключ и замок. Тот, на ком ключ и замок заклинателя, обязан исполнить требуемое последним. Это типичный пример принудительного воздействия человека на силы, правящие миром; как известно, на веру в возможность такого воздействия основана и вся магия. В данном случае интересно отметить перенос более ранних магических представлений на божество высшей религии, мусульманства, и на его пророка Мухаммеда, которые, на ряду с прочими силами природы и с духами, населяющими мир, точно также должны подчиниться всемогуществу магического заклинания.

В Шахристане срок положения ребенка в колыбель точно не установлен. Однако, предпочитают делать это как можно скорее. Как мне сообщили, причиной спешки являются соображения удобства: ребенок, положенный в колыбель с первых дней своей жизни, быстро к ней привыкает; тогда как приучить его лежать неподвижно в колыбели позднее довольно трудно. Мне приходилось наблюдать положение в колыбель ребенка, которому было всего пять дней. Однако, срок этот иногда очень оттягивается: положение ребенка в колыбель связано с расходами на покупку колыбели и материй для всякого рода колыбельных принадлежностей, а также на устройство угощения. Поэтому день для этого семейного торжества обычно назначает сам отец ребенка, в зависимости от средств, которыми он располагает. Требуется лишь, чтобы это было сделано в один из счастливых дней недели: в понедельник, четверг или пятницу. В общем, обряды, исполняемые при *davora-bandon*, чем-нибудь существенным от самаркандских не отличаются. Прежде чем прибинтовать ребенка, бабка примеряет в колыбель веник, нож и камень. Иногда, сверх того, примеряется и зеркало.

Все эти предметы, за исключением веника, она кладет под изголовье колыбели вместе с небольшой лепешкой (*kulča*). О зна-

чении камня и зеркала уже было сказано. Нож считается хорошим средством против враждебных духов. Такое его значение выявляется во многих других обрядах. Той же цели служит и веник: выметанием изгоняются злые духи.

Когда ребенок прибинтован к колыбели, мать садится около и дает ему грудь, а окружающие накрывают колыбель одеждой, какая попадется под руку. Число одежд должно равняться семи, а среди них обязательно наличие штанов отца ребенка. Обряд заканчивается такой же церемонией выхватывания у матери лепешки, как и описанная мной раньше. Если же положение в колыбель обставляется торжественно, — например, при положении в колыбель первенца или первого сына — то, сверх того, бабка бросает через голову кормящей матери сласти. В обрядности Средней Азии это считается вызывающим богатство и хорошую, обеспеченную жизнь. Надо, однако, отметить, что обряды, сопровождающие первое положение ребенка в колыбель, в Шахристане, повидимому, приходят в упадок. Исполняются они очень небрежно, как бы шутя. Совершение их иногда, в случае отсутствия бабки, поручается какой-нибудь другой женщине, даже и не преклонного возраста, что также свидетельствует об упадке обычая.

В Канибадаме положение ребенка в колыбель, совершаемое там на девятый-десятый день после рождения, сопровождается первым купанием ребенка, надеванием первой рубашечки и наречением имени. Все это исполняет бабка. Прежде всего, она купает ребенка в теплой воде, обильно намыливая его мылом; головку она моет кислым молоком, как это принято в обычной жизни. Поливая ребенка водой, бабка приговаривает: *ob — obi xob, ob — obi be yami; ob a nur, mo a xok; pan-šammiya — panš man gūšt, se-šammiya — se man gūšt, čor-šammiya — čor man gūšt; ob — obi xarobeyák; ob xarób, lúlák farbáy* «вода (эта) — вода сна,¹ вода (эта) — вода беспечалия; вода — от света,

¹ Т. е. ребенок после купанья будет хорошо спать.

мы — от праха; в четверг (пусть будет) пять манов¹ мяса, но вторник — три мана мяса, в среду — четыре мана мяса; вода (эта) — вода худобы; вода — худая, ребенок — толстый».

Окончив купание, бабка тщательно вытирает ребенка и приступает к надеванию рубашечки. Прежде чем надеть рубашку на новорожденного, бабка делает вид, что хочет надеть ее на какого-нибудь другого ребенка из числа присутствующих при обряде. Приятно она спрашивает: *tu merüşé mi?* «ты наденешь?» — и сама же отвечает *ne, ne, xudáš merüşát!* «нет, нет, он сам наденет!». Она проделывает это трижды, после чего надевает рубашечку на новорожденного. Цель этого обряда, очевидно, заключается в том, чтобы сделать ребенка здоровым, сохранить его живым, чтобы он сам носил рубашечку, чтобы, за его смертью, не пришлось носить ее другим детям.

Надев на ребенка рубашечку, бабка приступает к положению его в колыбель, которое в Канибадаме носит некоторые черты сходства с обрядом положения в колыбель в гузаре Хаузи-Сангин Самарканда: сначала бабка кладет ребенка в колыбель так, что ноги его приходятся на изголовье, и спрашивает: *injáš ba xó ravát mi?* «здесь ему лежать?» — и сама же поспешно дает отрицательный ответ: *ne, ne, jóyi xudáš ba xó ravat!* «нет, нет, пусть он лежит на своем (настоящем) месте!» Во второй раз она кладет его на середину колыбели, а третий — опять в ноги, как и в первый раз, причем опять следует тот же вопрос и тот же торопливый отрицательный ответ. Только после этого она кладет ребенка по настоящему и прибинтовывает его. Далее следует то же выхватывание старшими детьми лепешки, что и в других, уже описанных местностях, причем вместо одной лепешки мать закусывает сразу две, сложенные своими плоскими сторонами.

После этого все садятся и бабка читает молитву *fatiha*. На том обряде положения в колыбель, который я наблюдала

¹ Ман — мера веса — 131 кг.

лично, молитва эта состояла в следующем: *Xudó úmrata daróz kunát, rizqata vasi kunát, ba padárat kati, ba modárat kati, ba úmri darózat kati, ba rizqi rúzit kati; inagohóyi muqaddám tarbiyát kunát, arvohó(i) tarbiyat kunát, bovóyi, bovókalónat arvóhaş tarbiyát kunát; nómaş ena-şon but, arvóhi ocáš tarbiyát kunát; nómi bibima mondám, arvóhaş tarbiyát kunát; čiltanóyi pok tarbiyát kunát, kúp kunát, kúl kunát, úmraşa daróz kunát, lúlakčá kalón šavat! omin va rább-ul-olamin!* «Пусть бог сделает долгой твою жизнь, пусть обширным сделает твой надел, с отцом твоим, с матерью твоей, с длинной жизнью твоей, с наделом, с пропитанием твоим! пусть благословенные *ena-şon*¹ воспитают (тебя)! духи умерших пусть воспитают тебя! духи дедов, прадедов твоих пусть воспитывают тебя! имя ее было *ena-şon*, пусть дух бабушки воспитает ее!² я назвала ее именем своей матери, пусть дух (бабушки) воспитает ее! чистые чильтаны³ пусть воспитывают ее! пусть (все) сделают много! жизнь ее пусть долгой сделают, ребеночек пусть большим станет! да будет так, господь миров!» По окончании молитвы приносят на тарелке сласти, и бабка бросает их, горсть за горстью, через голову матери. Отдельно бросает она в подолы гостей и ребятишкам, которые на перегонки собирают сласти,

¹ По словам студента рабфака САГУ Хайдар-ходжи Азам-ходжаева, жителя и уроженца кишлака Канибадама, под этим именем в Канибадаме известны духи покровители и патронессы бабок. Также называется женщина, которая взяла ребенка к себе в дом тотчас после его рождения, в случае, если у матери дети не выживают.

² Героиней обряда была девочка, которую называли по имени ее бабушки. Имя бабушки, впрочем, не было упомянуто; вместо него было сказано — *ena-şon* (*ena* — бабушки). Как мне говорили в Ура-тюбе, в том случае, если ребенку дают имя умершего старшего родственника, имя это не произносится. Оно заменяется названием степени родства: *ena-şon, boba* и т. п. По словам моих осведомительниц, это делается для того, чтобы не называть имени старшего родственника, что считается невежливым.

³ О чильтанах см. статью М. С. Андреева «Чильтаны (چيلتان) в среднеазиатских верованиях», помещенную в сборнике «عقد الجمان», посвященном В. В. Бартольд.

упавшие на ковер. Церемония заканчивается угощением, во время которого, по обычаю, подают *čalpak*.

Первое купание ребенка в Шахристане совершается на двадцатый день после рождения его — в «малую *čilla*», *čillai xurd*; в Самарканде же — на сороковой день, или около того, обычно в воскresенье.

В обеих местностях ребенка обмывают особо приготовленной водой, в Самарканде называемой *obi-šūr* «солёная вода». Для приготовления ее в воду бросают горсть соли, горсть земли, поскобленной со стен дома, так называемой *kah-kili-devol*, 41 кусочек мяса и золотой перстень или сережку. В Шахристане состав *obi-šūr* тот же, только вместо 41 кусочка мяса ограничиваются одним, а сережка или кольцо очень часто заменяется серебряной монетой. Этой смесью ребенка обмазывают с ног до головы. По поверию на том месте, куда не попадет *obi-šūr*, появится нарыв. Затем *obi-šūr* смывается чистой теплой водой и после этого ребенка начинают купать более или менее часто. Однако, и в Самарканде, и в Канибадаме считают, что слишком частое купание берет у ребенка силу и задерживает рост. А кроме того, чисто вымытый, красивый ребенок слишком привлекает взгляды посторонних, и его могут сглазить. По всем этим соображениям купать детей часто не рекомендуется. Впрочем, следует отметить, что в Самарканде за последние два-три года, под напором новых веяний, взгляды сильно изменились и все чаще можно встретить матерей, преимущественно молодых, которые вводят в свой домашний быт и в уход за ребенком некоторые принципы гигиены.

В Шахристане же детей делят на *obi* «склонных к воде» и *xoki* «склонных к земле». Это узнают по поведению ребенка после купания. Если он ведет себя спокойно и хорошо спит, его причисляют к «склонным к воде» и начинают купать более или менее часто. Если же купание действует на ребенка неблагоприятно, он плохо спит и капризничает, считают, что он «склонен к земле». Его начинают присыпать своеобразной присыпкой, состоящей из хо-

рошо истолченной глины. Обычно она насакабливается со стен дома и связывается в кисейную тряпочку, через которую пыль легко может сыпаться. Однако, нередко мне приходилось видеть, как женщины, сидя за разговором с соседкой, посыпали своих детей пылью, взятой ими прямо с земли, из под ног.

По истечении сорокодневия *čilla* опасный для матери и ребенка период проходит, и они вступают в общую жизнь кишлака. Первый их выход из дома обставляется более или менее торжественно. В Шахристане мать и ребенок приглашаются ближайшими родственниками, начиная с родителей матери, которые устраивают им угощение и одаривают их.

В Самарканде новорожденного приглашает лишь бабушка со стороны матери. Она дарит ребенку материю на рубашечку, а перед уходом смазывает лоб ребенка мукой, а рот салом или маслом. Первое делается для того, чтобы ребенок дожил до седых волос, второе — чтобы жизнь его была богатой, чтобы он всегда ел вкусную пищу, приготовленную на сале: *mūyaš safet švāt*, *dahánaš rūyán šavāt*. Обычай приглашать мать и ребенка в конце *čilla* носит название *čilla gurezon* «изгнание, проводы *čilla*».

По прошествии *čilla* все добрые знакомые родителей ребенка приходят поздравить их и посмотреть (*mebinán*) новорожденного. В качестве даров, они приносят с собою какое-нибудь кушанье, обычно, плов или пельмени. В Самарканде к этому присоединяют материю или уже сшитую часть костюма для новорожденного.

Родственницы посещают роженицу еще во время *čilla*, точно также принося какой-нибудь подарок. Посторонним же, за исключением молодых, еще не рожавших женщин и девушек, ребенка до истечения *čilla* не показывают, боясь сглаза и всякого рода магической заразы.

Чтобы закончить цикл обычаев, связанных с ребенком, следует упомянуть еще о срезании в первый раз ногтей и о первой стрижке волос. У маленьких детей ногти не стригутся. Это делается лишь когда ребенок достигает возраста 2—3 лет. Опера-

цию совершает обычно сама мать. При этом в Самарканде у мальчика ногти обрезают над книгой, чтобы он стал ученым, а руки девочки вымазывают в тесте или в муке, чтобы из нее выросла хорошая стряпуха. В Шахристане же ногти срезаются над книгой, безотносительно к полу ребенка.

Волосы ребенка первый раз состригаются, когда ему исполнится три года. До той поры их только подрезают спереди, чтобы они не падали на глаза. К сожалению, у меня нет материалов по первой стрижке волос в Шахристане. В Самарканде первая стрижка волос *sar-tarošon* нередко сопровождается угощением, на которое созываются родственницы и знакомые; приглашается и бабушка, принимавшая ребенка. Ей дарят одежду или материи на рубашку.

Перед этим ребенка несут к продавцу халвы. Тот кладет на одну чашку весов ребенка, а на другую — халву, пока обе чашки не уравновесятся. Халву эту при угощении раздают гостям. Волосы ребенка состригает какой-нибудь старый, седой человек. По поверию, это способствует тому, чтобы ребенок вырос и тоже дожил до седых волос. Волосы ребенка тщательно собирают и закапывают под пол, чтобы они росли как тал, чтобы ребенок жил долго: *mīyaša tāgi bed gūr mekūnān, kanti karā xo ravat, guftā*. Обрядом состригания волос заканчивается период младенчества, и ребенок вступает в следующую фазу своей жизни — детство.

Нур ал-'улум.

Жизнеописание шейха Абū-л-Хасана Хараkāнī.

Е. Э. Бертельса.

1. ВСТУПЛЕНИЕ.

I.

Изучение суфизма в Европе началось более ста лет тому назад. Работы Tholuck'a открыли ориенталистам картину грандиозных философских построений, скрывавшихся за покровами персидской поэзии. С тех пор суфизм и в частности поэзия персидских суфиев не прекращали привлекать к себе внимание и литература по суфизму достигла весьма обширных размеров. Однако, несмотря на значительный интерес, проявленный востоковедами, проблема суфизма, сложнейшего явления, наложившего свой отпечаток на всю жизнь мусульманского мира, еще крайне далека от разрешения. Работа ориенталистов выражалась, с одной стороны, в издании и переводе текстов, причем надо сознаться, что до настоящего времени не издано и сотой доли важнейших произведений этого рода. С другой стороны, от времени до времени делались попытки дать общую характеристику суфизма, изложить вкратце его сущность. Авторы таких обзоров исходили из какого-нибудь одного определенного суфийского произведения и, опираясь на него, стремились удалить индивидуальные особенности данного автора и дать общую схему, философию суфизма как такового. Результат получался неизменно одинаковый — схема представляла собой абстракцию, реального